

КАТЕГОРИЯ ВТОРИЧНОЙ ПОТЕНЦИАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

А.С. Дружинин

Аннотация. Статья посвящена лингвофилософскому анализу категории вторичной потенциальности, в традиционном обозначении именуемой сослагательным наклонением или контрафактивностью. Теоретические принципы энактивизма и биологии познания позволяют раскрыть эпистемическую природу исследуемой лингво-понятийной сущности, заключающейся в описании накопленного познавательного опыта применительно к потенциальности в пределах одного референциального состояния.

Воспринимая время как разграничение пространственной изотропности, организм переживает прошлое как референцию, не совпадающую с текущим или актуальным состоянием. Благодаря когнитивным способностям языкового организма перевступать в каузальные отношения с внутренними семантическими образами как самостоятельными сущностями и на основе рекурсивных связей формировать новые, вторичные описания, в сознании возникает принципиально новый эпистемический ориентир, позволяющий "превратить" (переосмыслить) неактуальность в потенциальность.

Пережитое прошлое, как причина, становится телеономически предвосхищаемым будущим следствием, совпадая с ним в одном семантическом образе. В результате организм генерирует вторичную потенциальность, каузально опосредованную субъективным опытом реализации самой себя.

Полученные выводы лингвокогнитивного моделирования категории вторичной потенциальности, впервые проведенного в рамках лингвофилософских понятий с привлечением данных естественно-научных дисциплин, представляют теоретическую значимость и научно-практический потенциал для дальнейшего изучения её формо-содержательной структуры.

Ключевые слова. Вторичная потенциальность, референциальное состояние, лингвокогнитивное моделирование, эпистемический ориентир, теоретическая значимость.

Вступление

Как известно, проблема толкования многих явлений языковой семантики входит в круг задач не только самой лингвистической дисциплины, но также и философии языка, стремящейся

дать общенаучное теоретизированное осмысление предмету изучения. Семантика глагольного наклонения, в частности сослагательности, издавна привлекает интерес исследователей ввиду сложности своей семантической, коммуникативной и прагматической природы.

Ни в античном, ни в современном языкознании, так же как и в лингвофилософии мыслители не могут сойтись во мнении о том, в чём же заключается истинно гносеологическая сущность сослагательного наклонения, не говоря уже о количестве самих наклонений.

С традиционной позиции, сослагательное наклонение (субъюнктив, конъюнктив) понимается как форма слова, так же и определяется (*subjunctivus* от лат. *subjungere* – “подчинять”) через свойство синтаксической слагаемости, буквально позиционной обусловленности внутри предложения. Среди семантических признаков выделяются нереальность, полуреальность, ирреальность (ирреалис), предположительность, гипотетичность и т.д., то есть всё, что относится к общему значению “недействительность”.

Рассматривая сослагательность в плане модуса высказывания и категории предложения (Дж. Лайонс), модальности (Ф. Палмер, Р. Хадлстон, Дж. Палэм), формально-логических категорий контр(а)фактуальности / контр(а)фактивности как причинно-следственных отношений высказывания к истинности и достоверности на основе кондициональных операторов (Д. Льюис, Н. Гудман, Дж. Коллинз, Дж. Коутс и др.), учёные предлагают интерпретацию этого непростого явления грамматической семантики сквозь призму отдельно взятых признаков, от синтаксических до логических.

Так или иначе, до сих пор не удаётся сложить целостной картины – теоретической концепции данной категории, способной объяснить её формальную и содержательную специфику, взаимосвязь с другими категориями (вида и времени, модальности), и, самое важное, обозначить её место в познавательной деятельности человека как языкового организма [Jennings, Thompson, 2012: 33]. Вряд ли нереальность (или любой другой фантастический мир) – это тот семантический образ, которым мыслит человек в повседневной жизни, описывая свои состояния типа “Я бы хотел добавить пару слов”.

Также сомнительно полное семантическое единство модальных глаголов и

сослагательности, иначе фразы типа “Я бы добавил пару слов” и “Я могу добавить пару слов” оказывали идентичное ориентирующее воздействие на адресата. Вероятно, поиск ответа на волнующий вопрос стоит искать в эпистемологии и когнитивной интерпретации языковых функций и категорий.

Феномен языка и речи: от сослововского структурализма к эпистемологии живых систем

Шаг вперёд, который сделала наука по сравнению с редукционистскими убеждениями в самостоятельности структуры языка, подчиняющейся законами формальной логики и независимо функционирующими правилами, уже невозможно игнорировать даже на уровне обыденного сознания. Бурное развитие естественнонаучных дисциплин, раскрывших внутреннюю и внешнюю структуру живой материи, гармонично дополняет современную гуманитарную модель научного знания о психологической и социокультурной природе человека.

Принцип холизма и интегративного подхода в изучении различных явлений человеческой деятельности, к которым относится и язык, всё больше признаётся перспективным. В результате значительное внимание уделяется биологии как “матери всех дисциплин в изучении сознания, поведения и разнообразия” [Givon, 2009: xviii], и уже не кажутся неожиданными выводы авторитетных ученых о параллельности эволюционных процессов биологических и языковых (!) функций человека [Наточин, Менщуткин, Черниговская, 1992], притом что коммуникация по сути есть “продолжение органов чувств человека” [Sebeok, 2001: 4].

Одной из первых моделей сложных биологических систем стала диссипативная структура, описанная бельгийским биохимиком И. Пригожиным. Теория термодинамических неравновесных систем, способных при определённых условиях энергетического обмена переходить к усложнённой внутренней структуре, открыла новое видение сущности биоло-

гической жизни и позволила ответить на волновавших многих мыслителей вопрос о том, как устроен живой организм.

Параллельные исследования Мак-Каллока и Питтса в области формального моделирования нейрона как основы жизненной активности продемонстрировали свойства внутренней замкнутости и обучаемости живого организма в условиях динамики отношений с внешней средой. Появляется всё больше нейрофизиологических данных о том, что высшие формы ассоциативного (семантического) декодирования имеют место «внутри системы, а не между системами» [Pribram, 1974: 398], при этом информационную значимость приобретает структура взаимодействий нейронных элементов [Бехтерева, 1977: 124].

Понятия замкнутости и внутреннего развития перекликаются с выводами антрополога и социолога Д. Бейтсона о человеческом организме как информационной системе, всегда создающей собственное, субъективное знание о мире под влиянием структурных изменений, инициируемых окружающей средой [Bateson, 1972]. Наконец, в этом же году нейробиологи Ф. Варела и У. Матурана разрабатывают полноценную концепцию человеческого организма как самоорганизующейся (аутопоэзной) био-гносео-коммуникативной системы, где базовым понятием, охватывающим все функциональные закономерности её устройства, является *когниция*.

Её можно определить как особое строение нейронных сетей, распределённых по всему организму человека и обеспечивающих его адаптивную координационную деятельность в динамике структурных взаимодействий «человек-среда» посредством познавательных механизмов, заключающихся в репрезентации («запоминании» сенсомоторных реакций организма на повторяющиеся внешние стимулы), в результате чего выстраивается то или иное поведенческое различие – знание. Проводившиеся в дальнейшем комплексные междисциплинарные исследования (в том числе на стыке лингвистики и когнитологии) обогатили тео-

рию убедительными обоснованиями и привнесли в неё ряд важных уточнений, которые заслуживают особого внимания в рамках данной статьи.

Прежде всего, когниция имеет распределённый (дистрибутивный) характер, то есть любые акты познавательной деятельности, от двигательных реакций до обработки семантических символов, осуществляются на системном уровне, а не ограничены отдельным структурным элементом [Бехтерева, 1977: 84; Pribram, 1974]. Телесная форма человеческого организма, в которую воплощены (embodied) все сложные переплетения мультисенсорных, моторных и интеллектуальных образов внешнего мира, определяет специфику различных форм знаний и любых семиотических процессов [Cowley, 2004].

В своё время Л.С. Выготский писал о психологическом значении опыта общетелесных ощущений для мыслительной и речевой деятельности человека: образование понятия и овладение словом происходит только «в ходе осмысленной ... сложной, активной ... целесообразной деятельности, в которой участвуют все психические (а не только мыслительные, курсив и уточнения мои – А.Д.) процессы» [Архипов, 2012: 111-114].

Еще одним важнейшим качеством когнитивной деятельности человека стоит считать потенциальность (а точнее потенциализацию) любого актуального поведенческого акта, что выражается в способности организма сохранять в памяти состояние собственной активности. Механизм запоминания и формирования энграммы (следа памяти) обеспечивается биохимическими процессами нервных клеток, вызванными молекулярными изменениями в области синаптических контактов [Martin, 2000; Соколов, Незлина: 2003].

Когнитивное значение данного феномена трудно переоценить: функционирование организма буквально подчинено накопленному и вновь накапливаемому опыту собственных взаимодействий с внешней средой, рекурсивно усложняющихся с каждым разом до такой степени

(точки бифуркации), что требует от организма перехода от прежнего к принципиально новому состоянию. В результате когнитивная система превращается в «запись своего предыдущего развития» [Capra, 1996: 259], сохраняя приобретенные ранее филогенетические и онтогенетические возможности.

Подобные возможности или, иначе, потенциальные ресурсы организма [Linnel, 2007; Архипов, 2012], с одной стороны, достигаются за счёт пластичности нейронных сетей [Александров, Анохин, 2008] и гибких звеньев мозга, с другой стороны, обеспечивают телеономию биологической системы – эффективное приспособление к среде в виде целесообразного поведения, то есть переходу к последующему состоянию стабильности [Gilbert, Epel, 2009: 192]. Последнее свойство тесно связано с процессами каузации, протекающими в организме в ходе структурных сопряжений с внешней средой, когда устанавливаются необходимые причинно-следственные связи, влияющие на успешную актуализацию приобретенного знания в дальнейшем. Способность когнитивной системы к кауальной репрезентации внутренних состояний (выделение различий и сохранение данного опыта), а также к их рекурсивному усложнению (“превращать”, или преобразовывать уже созданные состояния в новые) [Пинкер, Джакендофф, 2008] открыла путь к особой форме координационной активности – референциальным состояниям.

В каждом акте референции (“актам самополагания”, по В. Гумбольдту) субъект познания (cognizingagent) способен выделить себя в качестве (актуального или потенциального) наблюдателя, относительно которого устанавливается определённое наблюдаемое разграничение, которое впоследствии может выступать в качестве разграничения нового разграничения. Так возникают языковые описания (референции) и (что одно и то же) сущности (описания семантические) – выделяемые наблюдателем признаки внешней среды так, как будто это самостоятельные, независимые явления, с

которыми наблюдатель может взаимодействовать (на деле же взаимодействия происходят “внутри наблюдателя” между внутренними семантическими образами внешнего мира).

Например, языковая каузация в памяти ощущений и двигательных реакций на такое изменение динамики внешней среды, при которых кожный покров становится мокрым из-за падающих с неба капель, определяет референциальное состояние “дождь”. Однако объективный статус этого явления (если таковой существует) не сводится ни к чему иному, как к установленному наблюдателем разграничению (описанию) падающих с неба капель, форма и содержание которого может варьироваться в том числе и от социо-культурной принадлежности самого наблюдателя (для одного человека это может быть не дождь, а rain, для другого – не дождь, а морось).

Формируя сложную область описаний, которые способны описывать сами описания, язык таким образом представляет собой область реляционных отношений – сложную сферу социо-культурной и коммуникативной деятельности человека как наблюдателя собственных состояний, внутри которой он посредством внутренних кауальных отношений выстраивает собственную реальность, когнитивную нишу [Maturana, 1988], которую принимает за реальность объективно существующих отношений.

Дихотомия “актуальность-потенциальность” и языковая семантика

Переосмысление роли человеческого фактора в науке о языке, которому сопутствовало бурное развитие учений о когнитивности, заставило лингвистов искать ответы на многие традиционные вопросы в новом направлении. Рассматривая язык, прежде всего, как когнитивный феномен человека, исследователи всё чаще обращаются к проблемам концептуализации и категоризации как основных механизмов формирования знаний о мире. Вскрывая и экспериментально

доказывая особенности организации и функционирования семантической памяти в сознании человека, учёные успешно экстраполируют полученные выводы на моделирование семантической структуры языка в целом.

Показательный пример тому – теория прототипов и инвариантов в работах Э. Леннеберга, Р. Брауна, Л. Витгенштейна, Э. Рош и др., рассматриваемых как способ наиболее эффективного хранения семантической информации в ментальном пространстве субъекта, что, как заметил Дж. Лакофф, проявляется теми или иными признаками в разных языковых категориях [Lakoff, 1981]. В результате это дало начало целому ряду исследований в области лексической семантики, единицы которой стали анализироваться исходя из принципа прототипичности (яркости, нетривиальности) и категориальных уровней (см. работы Ю.Д. Апресяна, И.К. Архипова, Н.Н. Болдырева).

Еще одним достижением лингвокогнитивных исследований стоит считать систематизацию знаний междисциплинарного характера о важнейших онтологических категориях, предопределяющих структурное многообразие человеческого организма и, следовательно, языковой семантики (как особого состояния этого организма). В частности, ключевое понятие теории когнитивной системы – наблюдатель, – анализируется не только с философской и психологической стороны, но и как универсальный семантический и прагматический фактор, имплицитно или эксплицитно проявляющийся в языке на любом уровне.

Показательна работа Л.В. Верхотуровой, в которой фигура наблюдателя как носителя перцептивно-когнитивного и лингвистического опыта возводится в статус метакатегории. В этой связи недооценённой остаётся категория “актуальность-потенциальность”, которая, наряду с концепцией наблюдателя, характеризует не только первопричину когнитивных явлений (к которым относится и знание языка, и речевая деятельность), но и претендует на метатеоризацию в рамках смежных с лингвистикой

научных дисциплин. Систематизация имеющихся узкоспециализированных и общефилософских толкований этого понятия позволит шире взглянуть на его методологический потенциал в исследовании когнитивной природы языковой семантики в целом и грамматических категорий в частности.

Современная научная картина мира располагает обширным аппаратом эксплицитности дихотомии *actus* и *potentia*. В философской интерпретации Аристотеля действительность есть то, что стремится к актуализации (то есть потенциальность), а изменение всегда есть актуализация данной потенции. С.Л. Франк и Вл. Соловьёв видят в потенциальности сущность бытия, которое никогда не даётся в завершённом виде [Франк, 2007: 506, 91]; С.Н. Булгаков также мыслил в потенциальности “всеобщую мать бытия” [Булгаков, 1999: 98]. Т. Гоббс отмечал, что действительность не может возникнуть, если она не имеет источником необходимую потенцию [Гоббс, 1964: 165].

В биологии феномен потенциальности широко изучается в рамках понятия о биологической предрасположенности (biological disposition) [Carnap, 1936], которая лежит в основе определённых аспектов каузальности [Cartwright, 1989]. На молекулярном уровне под потенциальностью аминокислот подразумевают свойство спонтанного сворачивания (фолдинга) белка в уникальную третичную структуру, позволяющей молекулам белка полноценно функционировать [Huttermann, 1998].

В клеточной биологии способность клетки к делению и дифференцировке (“потенции к развитию”) называется потенциальностью, определяющей степень потенциального изменения клетки в форме, размере и активности. Эти особенности потенциализации биологической структуры живого организма детерминируют её системную (организационную) и функциональную целостность во всех своих (когнитивных) состояниях.

С точки зрения психологии восприятия, известен термин Дж. Гибсона *аффорданс* [Gibson, 1979], трактуемый

как потенциальность информационно-перцептуального характера, составляющая любой акт координационной активности в сфере отношений “организм-среда”, поскольку только наличие аффорданса как значимого фактора или предпосылки делает возможным актуализацию (или не актуализацию) того или иного поведения [Gibson, 1979: 127].

Едят то, что съедобно, и наоборот – съедобно то, что можно есть, то есть экология когнитивных систем такова, что любая актуальность невозможна без потенциальной информации (опытного знания, сформированного в когнитивной нише субъекта), а любая потенциальность не имеет смысла в отрыве от источника ее “активации” – наблюдателя. Таким образом, абстрактно-философское и естественно-научное определение категории *actus-potentia* приобретает перцептуально-когнитивные характеристики, приближая нас к более предметному анализу её лингвистического проявления как одной из форм координационной активности организма.

О потенциальности, или виртуальности языковых значений говорил ещё Гийом. Называя так переход от языка к речи актуализацией виртуальных понятий в конкретное значение в конкретном высказывании [Гийом, 1992], он будто вторил лингвофилософским идеям В. фон Гумбольдта о противопоставлении духа (глубоко внутренней, интеллектуальной деятельности) и материи (звучащей речи) [Гумбольдта, 1984: 75]. В традиционной лингвистике механизм такого преобразования описывался в терминах учения о контексте, который определялся физическим условием семантических изменений.

В русле когнитивных дисциплин лингвисты старались определить структуры знаний, определяющих актуализацию языковых единиц в ситуации речи, через понятия фрейма (Ч. Филлмор), концептуального пространства (концептуальной области) (М. Джонсон, Дж. Лакофф), схемы или паттерна (Р. Лангакер). Все данные оперативные единицы, пред-

лагаемые учеными, помогают нагляднее представить и смоделировать важные семантические процессы (такие как метафоризация, метонимизация, образность). Тем не менее, остаётся неопределённым вопрос о способах хранения данных единиц в сознании человека и алгоритма их активации в ситуации речи.

Представляется необходимым обращение к когнитивному компоненту речемыслительной деятельности человека в полном смысле этого слова (то есть определение языка как когнитивного состояния всего организма). Любая адаптивная деятельность человека подчинена формированию внутренних образов – закодированного в перцептуально-когнитивной структуре организма разграниченного опыта встроения (ин-формации) его в окружающую среду. Эти образы синкретически размыты и трудно формализуемы (хотя учёные не оставляют попытки представить правдоподобные модели, называя их гештальтами, паттернами, схемами действия, концептами).

Особый интерес представляют содержательные единицы семантического характера. Такие образы можно сравнить с разграничением У. Матураны, отличительным признаком, созданным организмом в процессе референции для последующей эффективной ориентации в окружающей среде. Его структура настолько дифференцированно минимальна и интегративно-синкретична, что позволяет оперировать им не только в одном конкретном акте референции, но и в других потенциально возможных ситуациях. Их количество и качество могут ограничиваться лишь принципом системности, или целесообразности (телеономии) координации, когда то или иное выделенное разграничение ещё не перестаёт быть таковым и сохраняет свою функцию ориентира.

Теория “размытых множеств” в физиологии косвенно доказывает способность когнитивной системы оперировать размытыми образами, понятиями, превращая приблизительность и синкретичность в конкретный поведенческий акт путём (адекватного) оценивания факто-

ров внешней среды [Физиология человека, 2001]. В действительности, паттерны (или образы) не хранятся как таковые, а могут быть истолкованы как потенциальность, фиксированная в той или иной структуре сетевой организации. Паттерны демонстрируют свою функцию (актуализируются) в задействованных синапсах мозга, если существуют подходящие для этого условия внешней среды.

Семантический образ, или значение слова нельзя отождествлять с реальным речевым процессом, так же как и нельзя рассматривать абстрактную систему языка на одном уровне с конкретной речевой деятельностью [Мельничук, 1992: 5-6]. Это две абсолютно разные психические сущности: значение слова есть его чистая семантическая потенциальность, существующая в сознании людей в виде сохранившегося в памяти знания о всех актуализированных отношениях описываемой словом сущности (сравните утверждение У. Матураны о том, что “описать сущность значит перечислить все её актуальные и потенциальные отношения”).

Именно поэтому её трудно реконструировать полностью и практически невозможно исчерпывающе актуализировать в живом общении, так как актуализация значения есть живой процесс реализации когнитивных ресурсов с учётом вновь возникающих и не всегда предсказуемых переменных динамики взаимодействия организм-среда. Это единичный коммуникативный результат непрерывающейся ориентационной активности языковых систем, которые они производят *HicEtNunc* с учётом тех или иных внешних факторов.

Любое лингвистическое различие, оно же и концептуальное, всегда возникает лишь в виде потенциальности, то есть такой сущности, которую можно описать, в противном случае понятия без наличия описаний самих себя просто не существовали бы. Количество ситуаций, в которых требуется актуализировать данные потенциальные сущности, понятным образом возрастает пропорционально количеству когнитивных взаимоотношений языкового организма. Поэтому един-

ственный способ сохранить адаптивную стабильность в условиях коммуникативного цейтнота [Архипов, 2012] и семиотической компактности (Кравченко) – всячески расширять данные эпистемические потенциалы. Это открывает путь многозначности и широкозначности как проявлениям когнитивных ресурсов коммуникативных систем.

Но как же происходит и чем ещё обусловлена актуализация накопленного когнитивно-коммуникативного опыта? В динамике непрерывающихся изменений внешней среды одних ситуационно-контекстных предпосылок и слов (графофонетического символического облика) как аффордансов-триггеров активации нужного смысла оказывается недостаточно. Выстраивая модель сложного рекурсивного поведения, человек учится находить разграничения в уже созданных разграничениях (ориентироваться в ориентирах). Так создаётся дополнительная абстрактно-системная маркированность в виде грамматических отношений слов и словоформ (их сочетаемость, формоизменение).

Эта важнейшая форма “жизни в языке” (language) помогает организму не только создать вторичные ориентиры как новые аффордансы, но также даёт возможность выделить наиболее абстрактные, высоко обобщённые признаки наблюдаемых отношений, “наслаивая” их на более конкретно предметные семантические образы. Тем самым осуществляется актуализация потенциальностей двух уровней – потенциальности первого порядка (более приближённой к конкретности речевого акта, характеризующей лексическую семантику) и потенциальности второго порядка (отдалённой, сложнее поддающейся реконструкции грамматической семантики).

Грамматическая семантика – это мощный инструмент рекурсивного ориентирования, с его помощью любой выделяемый признак обретает сложную потенциальность пространственно-временных отношений, без которых он был бы неполноценен как концептуальная сущность в сфере динамических

сопряжений. Характерная особенность грамматической семантики заключается в её стремлении описать то (абстрактность), результатом чего она является (абстрактное мышление). Эта эпистемическая потенциальность второго порядка отдалена от реальности конкретного речевого акта, но приближена к базовым, исходным категориям бытия, заложенным в сознании любого субъекта познания, готового выступить в качестве Наблюдателя.

Заключая в себе, по сути, онтологию пространственного мироощущения, грамматическая семантика иногда способна служить её носителем таким способом разграничения своего когнитивного опыта, который невозможно найти в любых других лингвистических ресурсах. Иначе говоря, условная параллельность грамматических категорий лексическими (например, категории времени в грамматике и лексике) нарушается вследствие семантической специфичности первых и недостаточности вторых. К таким интересным случаям стоит отнести грамматические ресурсы репрезентации вторичности во взаимодействиях языкового организма со средой. Одним из наиболее ярких примеров подобного сложного феномена когнитивной рекурсии является способность организма дважды переживать потенциальность в одном референциальном состоянии, то есть выстраивать свою потенциальную реальность в виде уже актуализированных образов её самой. Об этой категории вторичной потенциальности, тесно связанной с категорией времени и пространства, пойдёт речь ниже.

Итак, дихотомию “актуальность-потенциальность” можно назвать когнитивным субстратом любых референциальных состояний языкового организма, поскольку она охватывает практически все механизмы эффективного функционирования сложной живой системы. Накопление познавательного опыта любой модальности – от динамических автоматизмов до семантических образов, – сводится к процессу потенциализации как важнейшему фактору адаптивной

деятельности, позволяющему организму выстраивать своё будущее поведение целесообразно условиям внешней среды.

Знания в любых своих единицах – паттернах, концептах, прототипах, когнемах (по Анохину) – суть потенциальность биологического свойства, поскольку она буквально генетически определяет особую предрасположенность нейронной системы сохранять свои собственные состояния во времени и пространстве, что не может не проявляться в лингвистическом поведении организма. Воспроизведение данных состояний является оперативной и структурной реализацией системы, её актуальностью. В результате можно сказать, что организм живёт реальностью двух типов – актуальной и потенциальной.

Такое разделение всех семантических сущностей на две базовые онтологические категории, не лишённое смысла как в сугубо биологическом, философском, так и в психолингвистическом плане, поможет раскрыть лингвокогнитивную природу многих сложных феноменов языка и речи, к которым относится и семантика глагольного наклонения.

Категория вторичной потенциальности: когнитивная структура

Вряд ли вызовет сомнение тот факт, что переживание организмом актуальности и потенциальности сквозь собственные референциальные состояния лежит в основе его ощущений времени – исходном лингво-семантическом атрибуте, которым он наделяет пространственный континуум с самого начала своего в нем существования. Время есть субъективное знание человека, его поведенческое разграничение, позволяющее (мысленно) измерить протяжённость и динамику внешнего мира, а точнее, области собственных сопряжений с ним. Предпосылки для проведения этого разграничения заключаются в способности организма установить и описать разрыв темпоральной изотропности, когда *акту-*

альное, текущее состояние функциональной активности не совпадает с его репрезентацией.

Прошедшее время становится особым признаком перцептуальной “границы” между памятью и актуальностью, определяемой организмом в ходе необратимых (запоминаемых) процессов изменений [Lotka, 1926]. Будущее время есть репрезентация телеономии – качества (любой живой) самоорганизующейся системы проектировать и реализовывать собственную деятельность [Monod, 1970; Ayala, 1970: 9], достигая следующего состояния стабильности благодаря накопленным когнитивным ресурсам, позволяющим реагировать и интерпретировать, а значит превосходить сигналы извне [Gilbert, Epel, 2009: 192].

В логике настоящего исследования прошедшее и будущее время составляют разные семантические проявления категории потенциальности/неактуальности, поскольку являются результатом репрезентации человеком потенциализации собственной жизненной активности. В случае прошедшего времени речь идёт об описании неактуальных событий (что обусловлено памятью, тем же когнитивным свойством потенциализации, сохранения в опыте любой актуальности), в случае будущего – о чистой потенциальности (что обусловлено когнитивным свойством телеономии – антиципации “следующей актуальности”).

Прошедшее время как неактуальное является проведённым разграничением организма его состояний, не совпадающих с реально функционирующим. Способность организма образовывать новые сущности посредством рекурсивного взаимодействия с ранее образованными приводит к тому, что далее организм перевступает (термин У. Матураны) в отношение с данным уже сформированным (зафиксированным) референциальным состоянием (прошедшее время), превращая это разграничение в разграничение нового порядка. В результате он начинает обращаться с выделенной сущностью (эффектом неактуального состояния) как «независимой» сущностью, которая

уже не воспринимается в значении прошедшего времени как такового.

Таким образом, эффект хронологического разрыва воспринимается как принципиально новое когнитивное состояние, ориентир второго порядка, характеризующее теперь потенциальность организма, его телеономические возможности выстраивать, точнее, проектировать будущее поведение. Такая сущность теперь рекурсивно сочетает два важных естественных состояния организма: неактуальность как сохранившийся опыт релевантных координат (“я или кто-то поступил в похожей ситуации так/не так”) и потенциальность как мыслимый или превосходяемый результат возможного поведения (“я поступлю в этой ситуации так/ не так”). Эти две сущности в сознании связывают отношения каузальности, позволяющие организму когнитивно реагировать на динамику внешней среды целесообразным образом, соединяя причину со следствием.

Тем самым, когнитивная природа традиционного сослагательного наклонения как особого маркера пространственно-временных отношений заключается в том, что организм создаёт вторичную потенциальность для себя как категорию рекурсивного порядка. Однажды (не)актуализированное превращается в много раз потенциальное, причём это прошлое в значении будущего определяется *каузальностью* наблюдаемых отношений и связей при превращении бывших причин в будущие следствия. Прибегая к категории вторичной потенциальности, человек выстраивает своё потенциальное поведение, одновременно активируя прошлый опыт наблюдаемого поведения в схожих обстоятельствах, при этом последнее состояние совпадает с первым (образуя единое описание) благодаря особенностям каузального домысливания логических связей.

Сущность такого семантического образа второго порядка можно проследить на одном простом примере. Собираясь на встречу с человеком в первый раз, мы наверняка опишем одно из своих состояний потенциальности как «я его легко узнаю».

Фраза «я бы его легко узнал» в данной ситуации вряд ли применима, поскольку подразумевает некоторый имеющийся у нас опыт узнавания, что достаточно чётко обозначается прошедшей формой. Данная фраза будет иметь смысл только когда:

а) узнавание уже состоялось или не состоялось в конкретной ситуации («странно, что ты его не узнал, я б его легко узнал»;

б) узнавание когда-то имело или не имело место в похожей ситуации («я б его узнал легко, приходи он завтра после 30 лет нашей разлуки»).

В том или ином случае налицо опыт ощущений положительных или отрицательных признаков действия, которым наблюдатель начинает манипулировать как самостоятельной сущностью. Он не просто описывает опыт как таковой («я его узнал»), а превращает его в новое состояние, новую для себя реальность – потенциальную, в которой он видит это действие под разным прагматическим ракурсом – сожаления, желания, вежливого упрека и т.д. Получившаяся вторичная потенциальность – это пережитая, уже осмысленная актуализация того или иного действия, она уже не настолько приближена к непосредственным ощущениям действия и не направлена на прямое и буквальное ориентирование в пространстве. *Это потенциальность, каузально опосредованная субъективным опытом реализации самой себя.*

Очень часто такая сложная категория ассоциируется со значением нереальности, однако её скорее можно назвать отдельной реальностью (супрареальностью), воображаемой человеком, но даже в таком терминологическом обозначении не видится главная координирующая функция этой языковой категории как референциального состояния когнитивной системы. При всей своей метасемантической природе, она все-таки несёт в себе присущую любой живой системе функцию антиципации и проектирования потенциального поведения, поскольку помогает навести, сподвигнуть, то есть спотенциализировать поведение в отношении описываемой сущности:

– либо буквально направить на будущее «давайте, я бы сделал это»;

– либо косвенно изменить отношение к действию во избежание повторения неудачи «я бы так не сделал тогда»).

С другой же стороны, в этой потенциальности как поведенческом следствии заключена сама причина (сравните слова Гоббса о причине как о «действии, которое уже наступило» и о следствии, как о «действии, которое еще наступит» [Гоббс, 1964: 165]), а вернее, оно с нею совпадает. Такая сложная модель поведенческих разграничений характеризует и соответствующие референциальные состояния, семантическая структура которых также вторична. Например, и в английском, и в русском языках прошедшая глагольная форма переосмысливается в будущую, «наслаивая» один образ на другой.

В результате этого (как будто бы) возникает третий образ – нереальности, ирреальности, гипотетичности и т.д. Сравните: «Я бы пошёл туда, если бы у меня был билет» *I would go there if I had a ticket*. При этом *would* как прошедшая форма *will* подразумевает будущее сквозь призму прошлого, что фиксируется лексикографическими источниками. По сути же это лишь репрезентация специфического причинно-следственного когнитивного опыта, направленного на потенциальность.

Выводы и заключение

Эпоха технологического прогресса и бурного развития естественно-научных дисциплин всё более явно диктует необходимость обращения к интегративному научному подходу и принципу холизма в исследовании таких социо-культурных феноменов человеческой жизни, как язык в его семантическом, прагматическом и коммуникативном воплощении. Лингво-философские обобщения, которые можно построить на основе данных биологии, психологии и физиологии, помогают глубже раскрыть эпистемическую природу многих грамматических категорий и рассмотреть их содержательные признаки в новом свете, отличном от редук-

ционизма структурного, функционального, формально-логического или чисто семантического подходов.

Определение языка как феномена человеческой когниции, обусловленной особым функционированием распределённых по организму нейронных сетей в двух своих ипостасях – актуальности и потенциальности, – позволяет дать новое определение такой сложной категории человеческого мышления, как сослагательное наклонение (в своём традиционном терминологическом обозначении, не позволяющем даже “схватить” концептуальной сути явления, а просто называющим синтаксический признак), или контрафактивность (в своём рационалистическом наименовании акцентирующем логическую сторону категории как фактор только интеллектуальной, но не целостно когнитивной деятельности человека).

Благодаря присущей человеку как языковому организму способности выстраивать своё потенциальное поведение, исходя из опыта уже актуализированных референциальных состояний, которые могут репрезентироваться рекурсивно (будто отдельные сущности “в себе”), создаётся категория вторичной

потенциальности. Это когнитивное образование, заключающее в себе референцию к потенциальному поведению, опосредованному реализацией самого себя через каузальные связи наблюдаемых отношений. Прагматически соотносясь со смыслом желания, сожаления, стремления, просьбы и пр., категория вторичной потенциальности всегда направлена на проектирование, выстраивание потенциальности в сознании человека, что в понятной степени связано с будущей реализацией желания, просьбы, намерений или (не)повторения какого-либо пережитого состояния.

Полученные выводы закладывают основу для будущих исследований в области когнитивно-семантического моделирования категории вторичной потенциальности на материале разных языков. Описание когнитивной природы, предложенное в рамках данной статьи, может послужить фундаментом для изучения функционально-прагматических и системно-языковых особенностей традиционного сослагательного наклонения в новом свете, что открывают перспективу решения не только лингвофилософских, но и многих лингво-педагогических задач.

Список литературы:

- Александров Ю.И., Анохин К.В., Безденежных Б.Н. Нейрон. Обработка сигналов. Пластичность. Моделирование. Фундаментальное руководство. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2008. 548 с.
- Анохин К.В. Молекулярные сценарии консолидации следа долговременной памяти // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 1997. № 47. С. 262-286.
- Архипов И.К. Взаимодействие речевого поведения и системы язык: как возникает язык на уровне речи // Когнитивные исследования языка. 2012. № 12. С. 489-500.
- Бехтерева Н.П., Бундзен П.В., Гоголицын Ю.Л. Мозговые коды психической деятельности. Л.: Наука, 1977. 165 с.
- Булгаков С. Первообраз и образ: сочинения в двух томах. Т. 1. Свет Невечерний. СПб.: ООО «ИНАПРЕСС»; М.: «Искусство», 1999. 416 с.
- Верхотурова Т.Л. Фактор наблюдателя в языке науки. Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2008. 290 с.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1934. 318 с.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. 224 с.
- Гоббс Т. Основы философии // Избранные произведения: в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1964. 622 с.
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

Кравченко А.В. Естественные-научные аспекты семиозиса // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 3-9.

Мельничук А.С. Методологические поиски в современных подходах к исследованию языка // Методологические основы новых направлений в мировом языкознании. К.: Научная мысль, 1992. С. 3-15.

Наточин Ю.В., Меншуткин В.В., Черниговская Т.В. Общие черты эволюции в гомеостатических и информационных системах // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 1992. Т. 28. № 5. С. 623-637.

Пинкер С., Джакендофф Р. Что специфично для языка и что специфично для человека? // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 261-293.

Прибрам К. Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии / Пер. с англ. Н.Н. Даниловой и Е.Д. Хомской. М.: Прогресс, 1975. 450 с.

Соколов Е.Н. Нейронные механизмы памяти и научения. М.: Наука, 1981. 181 с.

Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 822 с.

Физиология человека / Под ред. В. Покровского, Г. Коротько. М.: Медицина, 2001. 950 с.

Франк С.Л. Реальность и человек: Метафизика человеческого бытия. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. 382 с.

Черниговская Т.В. Эволюция языковых и когнитивных функций: физиологические и нейролингвистические аспекты: автореф. дис. ... д-ра биол. н. СПб., 1993. 52 с.

Arkhipov I. Biology of Cognition, Biosemiotics, and Second Language "Acquisition" // Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions / A.V. Kravchenko (ed.). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. P. 185-214.

Auletta G. Cognitive Biology: Dealing with Information from Bacteria to Minds. Oxford: OUP, 2011. 880 p.

Ayala F.J. Teleological explanations in evolutionary biology // Philosophy of science. 1970. Т. 37. № 1. P. 1-15.

Bateson G. Steps to an Ecology of Mind. Chicago: Chicago University of Press, 1972. 533 p.

Bekhtereva N.P. The neurophysiological aspects of human mental activity. Oxford: Oxford Univ Pr., 1978. 181 p.

Capra F. The Web of Life. A New Scientific Understanding of Living Systems. N.Y.: Anchor Books, 1996. 347 p.

Carnap R. Testability and Meaning // Philosophy of Science. 1936. V. 3. P. 420-471.

Cartwright N. Nature's Capacities and their Measurement. Oxford: Oxford University Press, 1989. 280 p.

Cowley S.J. Taking a language stance // Ecological Psychology, 2011. Vol. 23. V. 3. P. 5-25.

Gibson J. The Ecological Approach to Visual Perception. Boston: Houghton-Mifflin, 1979. 332 p.

Gilbert S.F., Epel D. Ecological developmental biology: integrating epigenetics, medicine, and evolution. Sunderland, Massachusetts: Sinauer Associates, Inc., 2009. 465 p.

Givón T. Bio-linguistics: The Santa Barbara Lectures. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins. 2002. 383 p.

Hüttemann, A. Laws and Dispositions // Philosophy of Science. 1998. V. 65. P. 121-135.

Jennings R.E., Thompson J.J. The biological centrality of talk // Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions / A.V. Kravchenko (ed.). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 33-63.

Lakoff G. Categories: An essay in cognitive linguistics // Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL. Seoul: Hanshin, 1981. P. 139-193.

Linell P. Dialogical Language, Dialogical Minds, Dialogical Brains // Language Sciences. Cambridge: Elsevier, 2007. № 27. P. 605-620.

Lotka A.J. Elements of physical biology // Science Progress in the Twentieth Century (1919-1933). 1926. Т. 21. №. 82. P. 341-343.

Maturana H.R. Biology of language: The epistemology of reality // Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg / G.A. Miller, E. Lenneberg (eds.). N.Y.: Academic Press, 1978. P. 27-63.

Maturana H.R. Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument // The Irish Journal of Psychology. 1988. V. 9 (1). P. 25-82.

Maturana H.R., Varela F. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living (Boston Studies in the Philosophy of Science). Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1980. Vol. 42. 143 p.

McGee K. Enactive cognitive science. Part 1. Background and research themes // Constructivist Foundations, 2005. V. 1(1). P. 19-31.

Monod J. Chance and Necessity. An Essay on Natural Philosophy of Modern Biology / translated by A. Wainhouse. N.Y.: Vintage Books, 1970. 198 p.

Pribram K.H., Nuwer M., Baron R. The holographic hypothesis of memory structure in brain function and perception // Contemporary developments in mathematical psychology. 1974. Vol. 2. P. 416-457.

Sebeok T.A. Global semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 2001. 272 p.

Об авторе:

Дружинин Андрей Сергеевич – к.филол.н., старший преподаватель кафедры английского языка ЗН^о Факультета международной журналистики МГИМО МИД России.

CATEGORY OF SECONDARY POTENTIALITY IN LANGUAGE PHILOSOPHY

A.S. Druzhinin

Abstracts. *The problem of categorization in mind and language has always been a topical subject of massive studies, among which cross-discipline research is gaining particular importance in the era of technological and scientific development. The article presents a lingvo-philosophical analysis of the category of secondary potentiality traditionally referred to as subjunctive mood or counterfactuality. Language as a phenomenon of human cognition predetermined by the functioning of distributed neural networks in the two operational modes, actuality and potentiality, allows secondary, recursive circumscriptions to emerge in the referential domain of a languaging organism. These circumscriptions, or markers (units of organism-environment interactions) as purely interior semantic entities lay a basis for, or rather concur with lingvo-cognitive categories (categories of mind), one of which is the category of secondary potentiality. Its epistemic nature consists in the description of accumulated cognitive experience in relation to potential behavior within one and the same referential state. Perceiving time as a "rupture" of spatial isotropy (G. Auletta), the organism experiences (represents) the past as a reference that does not coincide with the current, actual state of the living system. Cognitively abled to enter and newly enter into causal interactions with the inner semantic images as if they were independent entities and recursively form new, secondary descriptions, the organism generates a conceptually new epistemic unit making it possible to "convert" (reconsider) non-actuality into potentiality. The once experienced past as a cause becomes a teleonomically anticipated future effect, concurring with it in one semantic entity. As a result, the organism comes to generate a secondary potentiality - potentiality causally mediated by the subjective experience of its own realization/actualization. The findings of the lingvo-cognitive modelling of the category of secondary potentiality, first conducted in terms of lingvophilosophy and guided by the data of natural sciences, offer an apparent theoretical and applied research prospect for subsequent studies into its form-content structure.*

Key words. *Secondary potentiality, reference state, linguo-cognitive modeling, epistemic reference point, theoretical importance.*

References:

Aleksandrov YU.I., Anokhin K.V., Bezdenezhnykh B.N. *Nejron. Obrabotka signalov. Plastichnost'. Modelirovanie. Fundamental'noe rukovodstvo* [Neuron. Signal processing. Plastic. Modeling. Fundamental guide]. Tyumen, TSU Publishing House, 2008. 548 p. (In Russian).

Anokhin K.V. Molekulyarnye stsennari konsolidatsii sleda dolgovremennoj pamyati [Molecular scenarios of consolidation of the trace of long-term memory]. *ZHurnal vysshej nervnoj deyatel'nosti im. I. P. Pavlova - Journal of Higher Nervous Activity. I.P.Pavlova*, 1997, no. 47, pp. 262-286 (In Russian).

Arkhipov I.K. Vzaimodejstvie rechevogo povedeniya i sistemy yazyk: kak voznikaet yazyk na urovne rechi [The interaction of speech behavior and system language: how language arises at the level of speech]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka - Cognitive studies of language*, 2012, no. 12, pp. 489-500 (In Russian).

Bekhtereva N.P., Bundzen P.V., Gogolitsyn YU.L. *Mozgovye kody psikhicheskoy deyatel'nosti* [Brain codes of mental activity]. Leningrad, Science, 1977. 165 p. (In Russian).

Bulgakov S. *Pervobraz i obraz: sochineniya v dvukh tomakh. T. 1. Svet Nevechernij* [The prototype and image: works in two volumes. T. 1. Light Nevecherny]. Saint-Petersburg, INAPRESS LLC; Moscow, Art, 1999. 416 p. (In Russian).

Verkhuturova T.L. *Faktor nablyudatelya v yazyke nauki* [The observer factor in the language of science]. Irkutsk, Irkutsk State Linguistic University, 2008. 290 p. (In Russian).

Vygotskij L.S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speaking]. Moscow, Labyrinth, 1934. 318 p. (In Russian).

Gijom G. *Printsipy teoreticheskoy lingvistiki* [Principles of theoretical linguistics]. Moscow, Progress, 1992. 224 p. (In Russian).

Gobbs T. *Osnovy filosofii* [Fundamentals of Philosophy]. *Izbrannye proizvedeniya: v 2-kh t. T. 1* [Selected Works: in 2 volumes. T. 1]. Moscow, Thought, 1964. 622 p. (In Russian).

Gumbol'dt V. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, Progress, 1984. 400 p. (In Russian).

Kravchenko A.V. Estestvenno-nauchnye aspekty semiozisa [Natural-scientific aspects of semiosis]. *Voprosy yazykoznaniya - Questions of linguistics*, 2000, no. 1, pp. 3-9 (In Russian).

Mel'nichuk A.S. Metodologicheskie poiski v sovremennykh podkhodakh k issledovaniyu yazyka [Methodological searches in modern approaches to the study of language]. *Metodologicheskie osnovy novykh napravlenij v mirovom yazykoznanii* [Methodological foundations of new directions in world linguistics]. Kiev, Scientific thought, 1992. pp. 3-15 (In Russian).

Natochin YU.V., Menshutkin V.V., Chernigovskaya T.V. Obshhie cherty ehvolyutsii v gomeostaticheskikh i informatsionnykh sistemakh [Common features of evolution in homeostatic and information systems]. *ZHurnal ehvolyutsionnoj biokhimii i fiziologii - Journal of Evolutionary Biochemistry and Physiology*, 1992, T. 28, no. 5, pp. 623-637 (In Russian).

Pinker S., Dzhakendoff R. CHto spetsifichno dlya yazyka i chto spetsifichno dlya cheloveka? [What is specific to a language and what is specific to a person?]. *Razumnoe povedenie i yazyk. Vyp. 1. Kommunikativnye sistemy zhivotnykh i yazyk cheloveka. Problema proiskhozhdeniya yazyka* [Reasonable behavior and language. Issue 1. Communication systems of animals and human language. The problem of the origin of the language] / Comp. A.D. Koshelev, T.V. Chernigov. Moscow, Languages of Slavic cultures, 2008. pp. 261-293 (In Russian)..

Pribram K. *Yazyki mozga. EHksperimental'nye paradoksy i printsipy nejropsikhologii* [Languages of the brain. Experimental paradoxes and principles of neuropsychology] / Trans. from English N.N. Danilova and E.D. Chomskoy. Moscow, Progress, 1975. 450 p. (In Russian).

Sokolov E.N. *Nejronnye mekhanizmy pamyati i naucheniya* [Neural mechanisms of memory and learning]. Moscow, Science, 1981. 181 p. (In Russian).

Solov'ev V.S. *Sochineniya v 2 t. T. 2* [Works in 2 vols. T. 2]. Moscow, Thought, 1988. 822 p. (In Russian).

Fiziologiya cheloveka [Human physiology] / Ed. V. Pokrovsky, G. Korotko. Moscow, Medicine, 2001. 950 p. (In Russian).

Frank S.L. *Real'nost' i chelovek: Metafizika chelovecheskogo bytiya* [Reality and man: Metaphysics of human existence]. Moscow, AST: AST Moscow: The Guardian, 2007. 382 p. (In Russian).

CHernigovskaya T.V. *EHvolyutsiya yazykovykh i kognitivnykh funktsij: fiziologicheskie i nejrolingvisticheskie aspekty: avtoref. dis. ... d-ra. biol. n.* [The evolution of linguistic and cognitive functions: physiological and neuro-linguistic aspects: author. diss. dr. biol. sci]. Saint-Petersburg, 1993. 52 p. (In Russian).

Arkhipov I. Biology of Cognition, Biosemiotics, and Second Language "Acquisition". *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions* / A.V. Kravchenko (ed.). Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, pp. 185-214.

Auletta G. *Cognitive Biology: Dealing with Information from Bacteria to Minds*. Oxford, OUP, 2011. 880 p.

Ayala F.J. Teleological explanations in evolutionary biology. *Philosophy of science*, 1970, T. 37, no. 1, pp. 1-15.

Bateson G. *Steps to an Ecology of Mind*. Chicago, Chicago University of Press, 1972. 533 p.

Bekhtereva N.P. *The neurophysiological aspects of human mental activity*. Oxford, Oxford Univ Pr., 1978. 181 p.

Capra F. *The Web of Life. A New Scientific Understanding of Living Systems*. New York, Anchor Books, 1996. 347 p.

Carnap R. Testability and Meaning. *Philosophy of Science*, 1936, V. 3, pp. 420-471.

Cartwright N. *Nature's Capacities and their Measurement*. Oxford, Oxford University Press, 1989. 280 p.

Cowley S.J. Taking a language stance. *Ecological Psychology*, 2011, Vol. 23, V. 3, pp. 5-25.

Gibson J. *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston, Houghton-Mifflin, 1979. 332 p.

Gilbert S.F., Epel D. *Ecological developmental biology: integrating epigenetics, medicine, and evolution*. Sunderland, Massachusetts, Sinauer Associates, Inc., 2009. 465 p.

Givón T. *Bio-linguistics: The Santa Barbara Lectures*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins. 2002. 383 p.

Hüttemann, A. Laws and Dispositions. *Philosophy of Science*, 1998, V. 65, pp. 121-135.

Jennings R.E., Thompson J.J. The biological centrality of talk. *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions* / A.V. Kravchenko (ed.). Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2012. pp. 33-63.

Lakoff G. Categories: An essay in cognitive linguistics. *Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL*. Seoul, Hanshin, 1981. pp. 139-193.

Linell P. Dialogical Language, Dialogical Minds, Dialogical Brains. *Language Sciences*. Cambridge, Elsevier, 2007, no. 27, pp. 605-620.

Lotka A.J. Elements of physical biology. *Science Progress in the Twentieth Century (1919-1933)*, 1926, T. 21, no. 82, pp. 341-343.

Maturana H.R. Biology of language: The epistemology of reality. *Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg* / G.A. Miller, E. Lenneberg (eds.). New York, Academic Press, 1978. pp. 27-63.

Maturana H.R. Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument. *The Irish Journal of Psychology*, 1988, V. 9 (1), pp. 25-82.

Maturana H.R., Varela F. *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living (Boston Studies in the Philosophy of Science)*. Dordrecht, D. Reidel Publishing Co., 1980, Vol. 42. 143 p.

McGee K. Enactive cognitive science. Part 1. Background and research themes. *Constructivist Foundations*, 2005, V. 1(1), pp. 19-31.

Monod J. *Chance and Necessity. An Essay on Natural Philosophy of Modern Biology* / translated by A. Wainhouse. New York, Vintage Books, 1970. 198 p.

Pribram K.H., Nuwer M., Baron R. The holographic hypothesis of memory structure in brain function and perception. *Contemporary developments in mathematical psychology*, 1974, Vol. 2, pp. 416-457.

Sebeok T.A. *Global semiotics*. Bloomington, Indiana University Press, 2001. 272 p.

About the Author:

Andrey S. Druzhinin – PhD in Linguistics, is Senior Lecturer at English Language in Department No.3 MGIMO University.